

ЗИНАИДА ГИППИУС

НЕ ТО

Зинаида Гиппиус
Не то

«Public Domain»

1905

Гиппиус З. Н.

Не то / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1905

«Восемь лет прошло – целых восемь лет! А Вике искренно казалось, что этих восьми лет совсем не было. Так же пахнет геранью и кухней в маленьком домике за оградой Спасо-Троицкого монастыря, так же обедают они в зальце с окнами в палисадник, и мать с отцом совсем такие же. Старообразные, тихие, всему, чего не понимают, раз и навсегда покорившиеся. Без злобы и без особенной доброты, а просто...»

© Гиппиус З. Н., 1905

© Public Domain, 1905

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Зинаида Гиппиус

Не то

Ненужная история

I

Восемь лет прошло – целых восемь лет! А Вике искренно казалось, что этих восьми лет совсем не было.

Так же пахнет геранью и кухней в маленьком домике за оградой Спасо-Троицкого монастыря, так же обедают они в зале с окнами в палисадник, и мать с отцом совсем такие же. Старообразные, тихие, всему, чего не понимают, раз и навсегда покорившиеся. Без злобы и без особенной доброты, а просто.

Вот только брат Тася – новый. Вика едва помнит его, трехлетнего, ревущего и буйного. А теперь за столом сидит худенький тихий мальчик в парусинной блузе и смотрит на Вику большими, чужими глазами. Кто он – неизвестно. Вика про него знает только, что он не гимназист, а семинарист, сам пожелал; что у него теперь каникулы и что он смирный и задумчивый, совсем не шалун.

О том, что было с Викторией за эти восемь лет, почему за все время не вышло недели, чтобы повидаться, – родители не расспрашивают. В общем, знают, письма получали, а расспрашивать – что же? Не поймут они, только горько и страшно.

Мать, в сущности, довольна, что у Вики здоровый вид, ей уж начинает казаться, что и перемен особенных в лице нет; мало-помалу и она забывает, что прошло восемь лет. Так, расставались – а вот, слава Богу, и свиделись. И она свое рассказывает, торопится, о том, что у них в углу случилось, чего Вика не знает.

– А помнишь ты, Вика, отца Геннадия нашего? Протоиерея? Уж такое близкое нам семейство было, такое близкое...

Вика вспоминает ясно и семейство, и самого толстого, крикливого и рослого отца Геннадия.

– Так вот, нет их здесь больше, Витенька, в Нижний перевели. Жалость такая. А тут еще несчастье у них случилось...

– Ну, какое ж это несчастье... Сказать несчастье – нельзя, – вставил кротко отец.

– А счастье, по-твоему? Уж помалкивай, Пал Федорович. Одно только: гляжу я – и думаю, обойдется это. Ты, Виктуся, помнишь сына их второго, Васюту?

– Да, кажется, помню, мама.

– Он постарше, должно быть, тебя будет. А не то помоложе. Такого ума был мальчик, такого ума... Первым шел в семинарии, мало этого – в Петербург поехал, да академию окончил. И что ж ты думаешь? О. Геннадий в полной уверенности, что ему дорога открывается – а он, на тебе, в монастырь!

– В монастырь?

– Да ведь что! При его образовании он бы вскоре архиереем мог быть, хоть и молод очень. Это, ведь, тоже какая дорога! А он – ни два ни полтора, постригаться – не хочу, иереем – недостойн еще, а в послушники пошел! В простых послушниках уж с год, в нашем же монастыре. О. Геннадий радуется, что хоть в знакомом месте. Приходит к нам часто, ну так я присмотрюсь, что из него дальше будет.

– Всякому свое, – сказал отец покорно и скучно. – Вот хорошо у меня место частное, тихое, домик свой, и так мы и проживаем век без метанья. Да я к духовенству, хоть и жили все

рядком, склонности не имел никогда. А есть призвания... Подвижничество-Вике не было скучно. Так хорошо, тихо, время не двигается, все все равно. После обеда отец пошел спать, Тася куда-то безмолвно исчез. Было жарко, но не мучительно жарко, а ласковая духота стояла.

Зазвонили к вечерне, тяжело и близко. Сад монастырский – точно лес, деревья высокие, густые. До самого обрывистого берега реки.

Сидеть так, на этом обрыве в ласково-душный июльский вечер, слушать колокола вечерен, а больше ничего не нужно.

Впрочем – это кажется только, что хорошо. Кажется, что не было восьми лет. Но если б и не было? Ведь когда не было, и Вика, упрямой и розовой гимназисткой, сидела на берегу и слушала колокола, – тоже было нехорошо, тоже хотелось совсем другого, и даже до ненависти к тишине, к реке и колоколам – хотелось!

Теперь ненависти нет. Тихая грусть – и радостное удивление. Точно восемь лет Вика не видала неба, воды, деревьев. А они есть. И это почему-то ужасно хорошо, что они есть. Но почему?

II

Пришел дня через два, вечером, и сын о. Геннадия, Васюта.

Вошел робко, весь узенький, высокий, в черной ряске с кожаным поясом. Волосы у него отросли и слабо, вяло закручивались у плеч. Бороды и усов почти не было. Лицо испуганное, нежное и строгое.

Вика с любопытством на него поглядела. Он взглянул раз и потом долго не глядел.

Он помнил ее хорошо. Слышал уже, что дочка Павла Федоровича вернулась. Знал о ней все, что другие знали. Как она в семнадцать лет на курсы уехала, как «революционеркой» стала, в заключении год провела, потом в Женеву ездила... Пока он в Петербурге жил, в академии – ничего не слыхал там о ней, это здесь все слухи.

А такая простая. Курсисток он мельком в Петербурге видал. Но вообще с женщинами никогда не разговаривал. Боялся очень, и не было интереса.

– У Васи голос хорош, – сказала Анна Ивановна. – На клиросе поет. Вот пойдя, Вика, послушай как-нибудь.

– А разве вы в церкви бываете? – проговорил Вася как-то в сторону и вдруг покраснел и сжал брови.

– Я давно не бывала... Здесь же, в нашем монастыре бывала, когда дома жила, – ответила Вика с удивлением: ей пришло в голову, что за восемь лет она в первый раз вспомнила, что люди в церковь ходят. Точно там, где она жила, не было церквей так же, как не было воды, леса и неба.

– Я теперь почти никогда не пою, – продолжал Вася. – Но вы все-таки пойдите. У нас хор славный.

И замолк. У Вики было красивое, смуглое, очень строгое лицо. Почти до тупости строгое. Вася и так боялся, потому что это была женщина, а от строгости у него даже внутри дрожало что-то.

Вышел брат Тася, взглянул, странно, неуклюже поздоровался с Василием Ивановичем, вспыхнул весь и тотчас же скрылся.

Мать говорила. Вика послушала-послушала и вышла на крыльцо. Мигали теплые, большие, предавгустовские звезды. Деревья сада монастырского недвижно чернели впереди.

– До свиданья, – кто-то сказал около нее.

Вика обернулась и сразу не сообразила, что это Вася-послушник. Не узнала его в длинной рясе.

– Вы уходите? Вам прямо? Я с вами сойду. Мне пройтись хочется.

Вася ничего не ответил. Пошли молча. Вика сообразила, что, может быть, нельзя ходить с послушником-монахом ночью.

– Может быть, вам нельзя со мною? – спросила она неловко.

– Нет, отчего ж? Вы за оградой живете; да, пожалуй, и ворота еще не заперты. Мне недалеко, вот через две аллеи.

А Вике все-таки чудилось, что она что-то неловкое ему делает. Отстать хотелось, но вместо того она вдруг спросила:

– Вы ведь не монах?

– Нет, я послушник.

Вика это знала. Ей захотелось, чтоб он с ней поговорил просто.

– А я слышала... Вы ведь академию кончили... Вы могли бы сразу... как это? священником-монахом быть, если б захотели.

– Да... Но я чувствовал себя недостойным пострижения. И вообще... Да, впрочем, что об этом. Извините.

Вика ободряюще повернулась к темной узенькой тени, которая двигалась немного сзади нее. И ей стало жалко почему-то, что он идет сзади и боится.

– Вы меня боитесь? – спросила она.

– Нет, так... Я не привык разговаривать.

– Ни с кем не привыкли?

– Да, и вообще...

– Грех это, что ли?

– Отчего грех? Нет, что вам? Вы даже не из любопытства спрашиваете. А так. Ну и не стоит.

Вике сделалось неприятно и странно. Зачем она спрашивает? Ведь он точно с другой планеты. Совсем не человек для нее. Монах. Она и забыла совсем, что есть монахи. Потом она вспомнила, что он академию кончил. Не просто же монах. Да и не монах он еще.

Они уже повернули во вторую аллею.

– Ну прощайте, – сказала Вика. – Я теперь пойду одна. Еще к обрыву, может, пойду.

Вася остановился и нерешительно, как-то издали, протянул ей руку.

– А не боитесь? Там темно очень теперь. И прибавил торопливо:

– Вы меня простите, не сердитесь. Я редко с кем разговариваю, не приходится. Может быть, не так что-нибудь... Вы спрашиваете меня, а я не отвечаю. Я из-за непривычки. У вас жизнь, вы приехали и опять в свою жизнь уедете, а я жизни и не видывал никогда. Я мертвый.

– Что вы? Отчего мертвый? Вы...

Но она не знала, что сказать еще. Так ей было странно.

А он безмолвно поклонился и как-то сразу исчез за деревьями. Вика постояла и пошла к обрыву. Река чуть светлела под звездами. Хорошо, душно и странно. Живая вода, мертвые люди...

Здесь нет жизни для людей, это правда. Живые звезды, живая вода... Вике вспомнилось, как она восемь лет тому назад рвалась отсюда, из монастыря, в «жизнь», к «живым людям».

И ушла. Что ж, жила? Видела живых людей, за которых отдала живую воду и звезды?

Вика не знает. Она мало думала об этом. Некогда было. Никогда не умела заниматься долго своей психологией. И теперь она не знает, когда была жизнь у нее, ее собственная, и где она. Там, здесь, – везде как будто монастыри. Ужасно разные, со звездами или без звезд, но монастыри. И везде – не то, что очень душно, но все же нет чего-то, что, может быть, как раз и есть «жизнь».

Вике давно стыдно.

От глухого стыда она и приехала домой, в ямку спрятаться. Ей стыдно, что то, что она всегда признавала настоящей жизнью, настоящим делом, за что страдала и боролась, – вдруг ей... не то наскучило, не то ее утомило; почти физически.

И не наскучило, и не утомило, а как-то отпала она, точно больная стала, безучастна, без вкуса. Сначала думала, что пройдет. Особенно яркого участия в кружке она никогда не принимала, прямого: террористкой не была; не любила и говорить о «действиях», которые, однако, молчаливо признавала как необходимые. Тут и в области себя не укоряла, и все знали, что она сама на прямое «действие» не пойдет, не из трусости, а по своему характеру. Она своей смерти не боялась, а чужой. К чужой смерти не могла близко подойти, тут тупа была и упряма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.